

УДК 130.2

Человек как Вечное ДитяЕвгений Ф. Казаков^{a, @, ID}^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6[@] kemcitykazakov@mail.ru^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-0902-0513>

Поступила в редакцию 19.11.2018. Принята к печати 17.12.2018.

Аннотация: В статье раскрывается проблема метафизики детства, рассматривающаяся в контексте поиска человеком идентичности через выявление своей соразмерности миру. Детство рассматривается не столько как стадия взросления, сколько как сущностная характеристика, неотъемлемая от человека на протяжении всего существования как в онтогенезе, так и в филогенезе. Детское органично чувствует себя в эпоху обустроенности, пребывая во Вселенском Доме. Начиная с Нового времени человек живёт в эпоху бесприютности. Он разрушает Дом, сочтя себя Взрослым, способным обойтись без Дома. Адекватные Детско-Родительские отношения человека с миром разрушаются. Отказавшись от Детского, человек не обрёл Взрослое. Перед человеком разверзлись бесконечности, относительно которых он почувствовал себя брошенным, одиноким, крошечным, как никогда. Человек низверг стены Дома, почувствовав себя большим, сильным, самостоятельным Взрослым. В результате навалившегося вдруг на него абсурда, безмерности, незащитности он неожиданно для себя опять очнулся Ребёнком. Взрослость (точнее подростковый бунт) проявилась только в способности разрушить старый Дом; неведение, инфантильность – в непонимании необходимости и неспособности построить новый Дом. Человек может представить новый Дом (научная картина мира), но не может жить в нём. Современный человек – это потерянный Ребёнок на развалинах разрушенно-недостроенного Дома. Острейший разрыв между вечной детскостью (своей сущностью) и иллюзией собственной сверхвзрослости (своим квазисуществованием) усиливается тем, что исторический маятник в настоящее время замер на Детскости. Вечная (сущностная) и конкретно-историческая Детскость человека контрарно противостоит репрезентируемому симулякру его сверхвзрослости (что и предстаёт кризисом идентификации). Сквозной для обозначения пути разрешения кризиса идентичности предстаёт широко вошедшая в мировую культуру тема возвращения блудного сына. Адекватный итог этого пути выражен в образе Богородицы с младенцем. Многовековая сопричастность человека этому образу заключается и в том, что он идентифицирует себя с вечным Божественным Ребёнком в родных десницах вечной Божией Матери. В этих Божественных Лицах воплощён метафизический идеал выстраивания гармоничных Детско-Родительских отношений человека с миром.

Ключевые слова: детство, взрослость, родитель, метафизическое, земное, душа, история, отчуждение**Для цитирования:** Казаков Е. Ф. Человек как Вечное Дитя // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 1. С. 55–60. DOI: 10.21306/2542-1840-2019-3-1-55-60*И плаваю везде, малёк блестящий – я
А. Ибрагимов***Введение**

Проблема метафизики детства – это проблема поиска человеком идентичности через выявление своей соразмерности миру. «Я рыдал у моря, оно не переполнилось», – говорится в дзенском коане. Человек и меньше (как капля относительно океана), и равен (как микрокосм макрокосму), и больше мира (неся в себе ту уникальность, которой больше в мире нигде нет). Бог или червь, – так формулирует дилемму соразмерности Г. Державин. Будучи равен миру, и будучи больше мира, и даже будучи «богом», человек тем не менее остаётся Дитём. «Говорить об "открытии" детства – всё равно, что говорить об открытии человека как такового» [1, с. 13].

Детство чаще воспринимается не как самосущий феномен, а через «призму взрослости» [2, с. 3] как беспомощ-

ное, неполноценное состояние, смысл и цель которого – внешние, негативные для него. Детство понимается нередко лишь как стадия взросления человека (человечества) в онтогенезе или филогенезе, как средство, подлежащее полному «отбрасыванию» после его использования [3, с. 40]. Тем самым теряется понимание детства как самоценного явления, как сущего, как важнейшей онтической характеристики, неотъемлемой от человека на протяжении всего его существования.

Одним из зачинателей метафизики детства был Гераклит: «Вечность есть играющее дитя, которое ставит шашки. Царство над миром принадлежит ребенку» [4, с. 178]. Если время способно стареть, то вневременная вечность всегда юна. Вечность – это Ребёнок, а Ребёнок – это вечность. Человек – это *вечное дитя*,

рождённое *дитём вечности*. Философское видение детства нашло выражение в творчестве Платона, Аристотеля, Эпикура, Августина Блаженного, М. Монтеня, Ж.-Ж. Руссо, А. Белого, В. В. Зеньковского, Ф. М. Достоевского, В. В. Розанова, А. Г. Платонова, Ж.-П. Сартра.

Детское как сущность человека

Детское определяется через соотнесение со своей противоположностью – Взрослостью. Взрослое есть ставшая, зрелая, оформленная ступень развития. Одним из критериев вступления на неё является обретение способности быть Родителем (не просто продуцировать подобное себе, а возвращать его, нести за него ответственность, вплоть до самопожертвования).

Метафизическое Взрослое несёт в себе такие качества, как разум, деятельную мощь, свободу и власть. Оно сфокусировано в образе Бога и, например, в христианской традиции неотделимо от Родительского, несущего в себе любовь, сострадание, милосердие и жертвенность. *Метафизическое Родительское* несёт в себе ответственность, заботу обо Всём: не только о ближнем, но и о дальнем (вплоть до любви к врагу), о природе, всех живых существах, планете, мироздании. *Метафизическое Взросло-Родительское на земле* наиболее полно выражается в жизни святых и праведников.

Земная Взрослость выражается через расчётливость (стремление к пользе, выгоде), активность (целестремленность), свободу, силу и власть. *Земное Родительское* выражается в рождении, возвращении потомства (прежде всего *своего*), заботе, ответственности за его жизнь. В отличие от метафизической нераздельности Взрослого и Родительского, на земле первое может существовать обособленно от второго, предвстая самодостаточным, самоценным.

Метафизическое Детское выражается в таких качествах, как искренность (откровенность), невинность (неспособность на зло, незапамятность), миролюбивость (терпимость, способность прощать), чувствительность (вплоть до отторжения) к несправедливости и лжи, сострадание любому живому существу. *Земная Детскость* выражается в слабости (беззащитности), несамостоятельности, малом знании (понимании) и умении.

Детство неизбежно, как неизбежны, с одной стороны, человеческая чистота и возвышенность, с другой – непонимание и бесчувствие. Сократ утверждал, что зло – от невежества [5, с. 96]. Но разве невежество не от незнания, наивности и инфантильности (безответственности)? Подобное читаем и в Библии: «помышление сердца человеческого – зло от юности его»¹; «Отче! прости им, ибо не ведают, что творят»². *Невежество ума* заключается в неспособности просчитать разрушительные последствия (в том числе и для себя самого) дурного проступка (видится лишь ближайшая его выгода). *Невежество души*

выражается в неспособности почувствовать свою собственную боль, приносимую другому существу. Но ведь неведение онтически свойственно именно неразвитой природе ребёнка.

Неслучайно святые (олицетворяющие *метафизическое Взросло-Родительское на земле*) в один голос называют себя грешниками, чувствуя неизбежность расстояния между собой (своей метафизической родительской взрослостью) и всесовершенной Родительской Взрослостью Бога, относительно которой и святые – дети. Эту антинормичность природы человека (он одновременно и дитя, и не дитя) почувствовал Аврелий Августин: «Младенчество не исчезло... и всё-таки, его уже не было» [6, с. 29].

Неизбежность детства выражается и в том, что Старик как итог жизни возвращается (впадает) в Детство (*старый, что малый*). И Взрослость тоже есть Детство – ушедшее в основание, отвергнутое (преданное), отчуждённое, забытое. Это стремление *казаться* Взрослым, но не *быть* им. Мотив ребенка «репрезентирует *аспект детства коллективной души*» [7, с. 21], в связи с чем можно говорить об «*архетипической непродолимости детства*» [1, с. 28].

Невозможно дать завершённое раз и навсегда определение человека, потому что не завершён сам человек. Человек – существо не ставшее, а становящееся. В этом смысле вся история человека – ещё предыстория. Человек – «мост», «путь», а не итог [8, с. 36]. Но ведь именно ребёнок – «путь» [1, с. 186]. Вечная неопределённость человека и объясняется тем, что он – Вечное Дитя (*относительно Бога, вселенной, природы, вечности, законов мироздания, самого себя, ставшего «богом»*). А дитя потому и дитя, что замысел, заложенный в нём, далеко не очевиден, сущность не оформлена, а значит и не может быть отчётливо выражена.

Кроме *вечного возвращения* к вечному Богу в человеческой истории происходит и *вечное возвращение к вечному Ребёнку*. Исторический маятник (в большей степени истории Запада) качается от Детского к Взрослому и обратно (с разной силой и периодичностью), придавая истории циклический характер. Каждый раз, возвращаясь к Детскому, человек приносит с собой важный (как положительный, так и в ещё большей степени отрицательный) опыт. В результате происходит восхождение на новую ступень неизбежной Детскости. А если данная ступень существенно отличается от предыдущей, то это и рождает иллюзию-искушение считать её Взрослостью.

В филогенезе человек пребывает в состоянии Вечного Детства (имеющего бесконечное множество остановок в пути). В онтогенезе человек может считать себя Взрослым (*сверхчеловек, человекобог*), бунтуя, с одной стороны, против своей Детскости (родовой сущности); с другой – против метафизической (подлинной) Родительской Взрослости (бунт против Бога). Здесь Взрослость предстаёт в своей отчуждённости как симулякр. В онтогенезе человек

¹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Междунар. издат. центр православной литературы, 1994. С. 18.

² Там же, с. 107.

может приблизиться к метафизической Взрослости (*святой, праведник, богочеловек*) насколько это возможно для человека (в этом случае человеческая Взрослость предстаёт в своей подлинности).

Детское комфортно, защищённо, предсказуемо чувствует себя в «эпоху обустроенности» [9, с. 171], пребывая во Вселенском Доме. Все древние культуры и создают такой Дом из обычаев, традиций, мифов и религий. Детское пребывает (вращается) в прочном, уютном Родительском Доме. В «эпохи обустроенности» между человеком и миром складываются адекватные Детско-Родительские отношения. В Новое время человек живёт в эпоху неприютности. Он разрушает Дом, сочтя себя Взрослым, способным без Дома обойтись (или построить *свой собственный Дом, или самому стать Домом*). Адекватные Детско-Родительские отношения человека с миром разрушаются.

Отказавшись от Детского, человек не обрёл Взрослое. Перестав быть Ребёнком и не став Взрослым (отказавшись от *своей* сущности и не обретя *чужую* сущность), человек стал *Ничто* (меж Ребёнком и не-Ребёнком). Маятник от Детского к Взрослому – это движение от потенциального *Всё* к актуальному *Ничто*. Вечная историческая дилемма человека – или Детское или *Ничто* (паскалевское: *человек – «середина между всё и ничто»*). Дом редуцируется со вселенских масштабов до родственно-семейных (*мой дом – моя крепость*) и индивидуальных (*атомизация превращает семью в три одиночества, когда я сам себе дом*).

Вся история человека – стремление к Взрослости, средством достижения чего служит обретение свободы. Ступени обретения Взрослости: освобождение от природной зависимости, от «деспотического» государства, от прошлого (традиций, обычаев, культурной памяти), от Бога, от другого человека, от самого себя. Вся история – это попытка избыть, забыть *свою* Детскость, бунт против неё. Бунт против *своего* Детского и идентификация себя с *не-своим* Взрослым (симулякр *своего* Взрослого) – отличительная особенность подростка. Со всей очевидностью этот бунт развёртывается с Нового времени (ростки появляются раньше). Исключение – традиционный Восток, для которого не отторжение от Мирowego Родительского Целого, а слиянность с Ним предстаёт традиционным культурным приоритетом.

Прошлое, вселенная, природа, патерналистское государство, традиционные ценности, Бог умерли. Во второй половине XX в. человек обрёл ту ступень взросления, которой у него никогда в истории не было. Достигается свобода от всего, в том числе и от самого себя (освобождение от *своей* сущности, пленённость её *не-своим* существованием). Результатами этого стали острое переживание *своей* отдалённости, частичности, несчастности, незащитности, сиротства. Взрослый – блудный сын, забывший Родительское, порвавший пуповину, связующую с ним. Потеря Детскости – это потеря *своей* соразмерности миру, соразмерности себе самому (*своей*

сущности). Потеря Детского как *своей* сущности есть рассуцивание, расчеловечивание. Начинается «бегство от свободы» [10, с. 67–68], т. е. бегство от Взрослости.

Бунт против Родительско-Взрослого предстаёт нередко как единственный путь к Нему. Надо потерять (природу, прошлое, Бога, себя), чтобы обрести, выстрадав возвращение как единственное спасение. Будущее человека – это возврат к *своей* Детскости, в новое Детство (впитавшее обрётённый опыт взросления), в *моё* взрослое детство, где обретается новая старая соразмерность миру. Отголоски этой интенции слышны в призывах даосизма, христианства вернуться к Дао, Богу; Ж.-Ж. Руссо – назад к природе (точнее было бы сказать вперёд к природе); в сквозной для мировой культуры теме возвращения блудного сына. В идее будущего как нового средневековья [11, с. 260] присутствует в том числе интенция к восстановлению новых адекватных Детско-Родительских отношений с миром.

Человек многовекторен, в нём можно выделить проявления и «детского, и родительского, и взрослого» [12, с. 45–46]. В нём есть наивный, чистый (одновременно капризный и эгоистичный) Ребёнок; амбиционный бунтующий Подросток; ищущий пути вхождения в мир Юноша; полный сил, деятельный Взрослый; заботящийся о Другом (природе, Боге, человеке) не менее чем о себе Другитель; умудрённый опытом, уставший Старик. Многовекторность человека гетерохронна, может иметь разные исторические доминанты (адекватно или отчуждённо проявляя тем не менее его неизбывную Детскую сущность).

Исторический маятник ещё больше качнулся в сторону непризнанной Детскости. Границы бытия раздирались настолько, что растаяли, утонули во тьме. Перед человеком разверзлись бесконечности, относительно которых он почувствовал себя брошенным, одиноким, крошечным как никогда. *Чем больше открывается бесконечность, тем меньше становится человек. Он такой маленький, что сам себя порой не видит (нульмерный человек).* Жизнь предстаёт как диалог одной малости с другой, как отсутствие диалога (даже с самим собой), как отсутствие монолога. Непроговоренное, неотрефлексированное, спонтанное действие (действие в чистом виде) свойственно именно ребёнку.

Человек низверг стены Дома, почувствовав себя большим, сильным, самостоятельным Взрослым. В результате навалившегося вдруг на него абсурда, безмерности, незащитности он неожиданно для себя опять очнулся Ребёнком. И вот результат: *Ребёнок есть, а Дома нет.* Драматизм существования современного человека обострился до крайней степени. Взрослость (точнее подростковый бунт) проявилась только в способности разрушить старый Дом; неведение, инфантильность – в непонимании необходимости и неспособности построить новый Дом. Взрослый человек довольно самодостаточен и силен, он может прожить какое-то время вне Дома, в голой вселенской степи; может сам стать Домом для себя. Ребёнок же слаб и незащитен и не способен построить новый

Дом. Современный человек – это потерянный Ребёнок на развалинах разрушенного-недостроенного Дома. Современная культура – экзистенциальный крик о всеобщей бесприютности Взрослого Дитя.

Человек может помыслить новый Дом (научная картина мира), но не может жить в нём. Антропный принцип (в том числе) предполагает, что вселенная формируется именно таковой, чтобы быть Домом, в котором мог бы родиться, жить и познавать человек. Но в отличие от христианского антропный Дом не наполнен любовью, справедливостью, милосердием и бессмертием, поэтому в нём холодно, темно и страшно. Мысль может «свернуть» бесконечность, но не может «свернуть» страх перед бесконечностью [13, с. 112].

Дом олицетворяет защищённость, предсказуемость, упорядоченность жизни человека. Разрушение Дома – следствие хаоса, обуславливающего новый хаос. Хаос нарастает в отношениях с природой, в междивизиационных, межличностных отношениях. Импульсивное, сумбурное, непредсказуемое, не желающее (и не могущее) вписываться в правила и нормы, больше характерно именно для Детского (точнее подросткового) бунта против отцовского порядка, стремление, самоутверждаясь, репрезентировать себя через великий отказ, состязание, доминирование). Эта тенденция проявляется и в нарастании хаоса *внутри* (доходящего до театра абсурда в сознании). Сознание современного человека не просто клипово-мозаичное, оно – эклектичная сумма пазлов (как и сознание ребёнка), не складывающихся в единую (мировоззренческую) картину.

Неотрефлексированное, импульсивное, бессознательное (Оно) [14, с. 74] выплёскивается за границы рационального; безрассудность человека (в отношениях с природой и друг с другом) слишком уж очевидна. Бессознательное, действующее по принципу хочу, дай (любимые глаголы ребёнка), выражает именно детское начало. Оно направлено на получение наслаждения (принцип удовольствия), что соответствует гедонистической направленности современной культуры. Развёртывается тенденция к безоценочному (до / после моральному) сознанию; а именно ребёнок и является тем *святым*, который не различает добро и зло. Происходит смазывание гендерной идентичности, нарастание андрогенности (до / после гендерной идентичности), что присуще именно маленькому ребёнку. Развитие процесса глобализации выражает тенденцию движения к новому синкретизму, в определённой степени возвращающемуся к синкретизму «детства человечества» (соотносящемуся со слитностью ребёнка с миром в начале онтогенеза).

У современного человека «существование впереди сущности» (Ж.-П. Сартр), т. е. как у Ребёнка: *существование (уже) есть, а (оформленной) сущности (ещё) нет*. Современный человек, как и Ребёнок, больше растворён в настоящем и самом ближайшем будущем. Настоящее для него самоценно; будущее и прошлое (особенно далёкое) тают в тумане. *Игра как онтическая характеристика Детского перестает быть только развлечением*

и обучением, превращаясь в сущностную характеристику человека вообще (шекспировское «жизнь – театр» звучит сейчас как нельзя более актуально).

Критерий родительского – чувство соучастия, ответственности (вины) за себя, другого (не только ближнего, но и дальнего), за страну, природу, планету, вселенную. Максима этой ответственности выражена Ф. М. Достоевским (*все виноваты во всём*) и В. С. Высоцким (*я всю скорбью скорблю мировую*). Дефицит сострадания-ответственности – один из главных симптомов «детской болезни» современного человека.

Нынешнее репрезентируемое состояние человека – Взрослость – идентифицируется с интенцией властвовать над природными, божественными и человеческими законами. Человек предстал в своих глазах как всезнающий и всеповелевающий Господин, как Закон над Законом, как не только «царь природы», а Царь Всего («Историю Всего» [15] может написать только постигший Всё). Но границы человека не равны границам вселенной, а равны границам его желаний, переходящих частенько в капризы (*мои капризы – моя вселенная*). Оценивая себя как *Взрословечество*, человечество является, на самом деле, *Детствовечеством*. Острейший разрыв между желаемым и действительным, между *казаться* и *быть*; вечной детскостью (своей сущностью) и иллюзией собственной сверхвзрослости (своим квазисуществованием) усиливается тем, что исторический маятник в настоящее время замер на Детскости. Вечная (сущностная) и конкретно-историческая Детскость человека контрастно противопоставляет репрезентируемому симулякру его сверхвзрослости (что и предстаёт кризисом идентификации).

Кризис идентификации выражается в самомнении, самопревознесении, гордыне (высокомерный взгляд на природу, историю, Бога, дальнего и ближнего), взваливании на себя той ноши власти-свободы, которую человек нести не в состоянии. Апофеозом его явилось утверждение, что «Бог умер» (оборотной стороной чего было явное или скрытое занятие места Бога). Сверхчеловек Ф. Ницше (для которого «Бог умер») страдает «синдромом Взрослости», точнее Сверхвзрослости (на уровне массовой культуры эту линию продолжает вереница суперменов). Если надо мной нет Взрослого-Родителя, то значит, всё дозволено (Ф. М. Достоевский: *если Бога нет, значит всё дозволено*). А если всё дозволено, то значит, что я сам – «бог» (*король умер, да здравствует король*).

Заключение

Так или иначе, кризис идентичности рефлексирован, и предпринимаются попытки его разрешения. Синдром Питера Пена – это неадекватная идентификация себя с ребёнком, т. к. здесь происходит впадение взрослого (не старика) в детство, заключающееся в возвращении к инфантильности ребёнка, а не к его святости. Выражена тенденция и выстраивания адекватных сыновних отношений с Матушкой Природой. «А природа, она всё куда терпит. Она молчком умирает, долголетно. И никакой

человек не царь ей, природе-то. Не царь, вредно это – царем-то зваться. Сын он ее, старший сыночек. Так разумным же будь, не вгоняй в гроб мамоньку»³. Сквозной для обозначения *пути* разрешения кризиса идентичности предстаёт широко вошедшая в мировую культуру тема возвращения блудного сына (нашедшая, например, выражение в одноимённой картине Рембрандта; фильм А. Тарковского «Солярис», созданном по роману С. Лема).

Адекватный итог этого пути (представляющий возвращением к началу) выражен также в архетипическом образе Богородицы с младенцем. Многовековая сопричастность человека этому образу заключается и в том, что он идентифицирует себя с вечным Божественным Ребёнком в родных десницах вечной Божией Матери (архетип Божественного ребёнка, по К. Юнгу, архетипичен для всего

культуроге́неза) [8, с. 211]. Образ Божественного Дитя и Божественной Матери соединяются в нераздельное самодостаточное целое (Мать-Сын), в котором слиты метафизическое и физическое, настоящее и будущее, временное и вечное. В этих Божественных Лицах воплощён метафизический идеал выстраивания гармоничных Детско-Родительских отношений человека с миром.

В словах Христа – «Будьте как дети»⁴ – можно услышать призыв не просто «оправдать детство» [16, с. 23], а преодолеть отчуждённость своего (взрослого) существования от (вечно детской) сущности; предвещающий грядущий переход человечества от *псевдо-Взрословечества* (с апофеозом в рэциентризме) – к *Детствовечеству* [17, с. 56], выстраивающему адекватные Детско-Родительские отношения с миром.

Литература

1. Нефёдова Л. К. Онтологическая семантика образов детства. Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2005. 194 с.
2. Удачных Е. Ю. Образы детства в русской культуре и философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2012. 25 с.
3. Батищев Г. С. Непреходящие ценности сокровенного детства // Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 38–44.
4. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От этических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. 576 с.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986. 571 с.
6. Аврелий Августин. Исповедь. СПб.: Наука, 2013. 376 с.
7. Юнг К. Г. Божественный ребёнок. М.: Олимп; АСТ-ЛТД, 1997. 400 с.
8. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: Азбука, 2012. 352 с.
9. Бубер М. Два образа веры. М.: АСТ, 1999. 592 с.
10. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009. 288 с.
11. Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258–267.
12. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Бомбора, 2013. 576 с.
13. Паскаль Б. Мысли. М.: АСТ, 2011. 240 с.
14. Фрейд З. Я и Оно. М.: АСТ, 2018. 160 с.
15. Тайсон Н. Д., Голдсмит Д. История всего. 14 миллиардов лет космической эволюции. СПб.: Питер, 2016. 352 с.
16. Кислов А. Г. Оправдание детства: от нравов к праву. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2002. 165 с.
17. Казаков Е. Ф. Сердцеанин. Кемерово: КемГУ, 2011. 303 с.

Humanity, or Childhood Forever

Evgenii F. Kazakov^{a, @, ID}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ kemcitykazakov@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-0902-0513>

Received 19.11.2018. Accepted 17.12.2018.

Abstract: The article deals with the problem of metaphysics of childhood, which is considered in the context of the search for human identity, through the identification of its proportionality to the world. Childhood is considered not so much as a stage of growing up, but as an essential characteristic of man, integral to him throughout the existence of both ontogenesis

³ Васильев Б. Л. Не стреляйте в белых лебедей. М.: АСТ, 2017. С. 113.

⁴ Библия..., С. 213.

and phylogenesis. Children feel organically in the "era of equipment", staying in the Universal House. Since Modern times, people live in the "era of homelessness." He destroys the House, considering himself an Adult, able to do without a House. Adequate Parent-Child relationships with the world are destroyed. Abandoning the Child, man did not become an Adult but faced infinity of loneliness and insignificance. Man overthrew the walls of the House, feeling a big, strong, and independent Adult. Facing the absurd immensity of helplessness, he suddenly woke up a Baby again. "Adulthood" (more precisely, "teenage revolt") was manifested only in the ability to destroy the old House; ignorance, immaturity was manifested as a lack of understanding of the need and inability to build a new Home. A person can found a new House (scientific picture of the world), but cannot live in it. The modern man is a lost Child on the ruins of a destroyed and unfinished House. The largest gap between the eternal childishness (its essence) and the illusion of its own super-adulthood (its quasi-existence) is amplified by the fact that the "historical pendulum", at present, "froze" on Childishness. The eternal (essential) and specific historical Childishness of man is opposed to the simulacrum his super-adulthood (which appears as a crisis of identification). The theme of "the return of the Prodigal Son", which is widely included in the world culture, appears to denote the way of resolving the identity crisis. An adequate the end of this path is expressed in the image of Madonna and Child. The centuries-old involvement of man in this image lies in the fact that he identifies himself with the eternal Divine Child in the native hands of the eternal Mother of God. These Divine Faces embody the metaphysical ideal of building a harmonious Child-Parent relationship between man and the world.

Keywords: childhood, adulthood, parent, metaphysical, earthly, soul, history, alienation

For citation: Kazakov E. F. Humanity, or Childhood Forever. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(1): 55–60. (In Russ.) DOI: 10.21306/2542-1840-2019-3-1-55-60

References

1. Nefedova L. K. *Ontological semantics of childhood images*. Omsk: Izd-vo Om. gos. ped. un-ta, 2005, 194. (In Russ.)
2. Udalykh E. Iu. *Images of childhood in Russian culture and philosophy*. Cand. Philos. Sci. Diss. Abstr. Belgorod, 2012, 25. (In Russ.)
3. Batishchev G. S. *The permanent values of the secret childhood. Introduction to the dialectic of creativity*. Saint-Petersburg: Izd-vo RKhGI, 1997, 38–44. (In Russ.)
4. *Fragments of the early Greek philosophers. Part 1. From the epic theocosmogony to the emergence of atomism*, comp. Lebedev A. V. Moscow: Nauka, 1989, 576. (In Russ.)
5. Diogenes Laërtius. *About the life, teachings and sayings of famous philosophers*, transl. Gasparov M. L. Moscow: Mysl', 1986, 571. (In Russ.)
6. Aurelius Augustinus. *Confession*. Saint-Petersburg: Nauka, 2013, 376. (In Russ.)
7. Jung C. G. *The Divine Child*. Moscow: Olimp; AST-LTD, 1997, 400. (In Russ.)
8. Nietzsche F. *Thus Spoke Zarathustra*. Moscow: Azbuka, 2012, 352. (In Russ.)
9. Buber M. *Two images of faith*. Moscow: AST, 1999, 592. (In Russ.)
10. Fromm E. *Escape from Freedom*. Moscow: AST, 2009, 288. (In Russ.)
11. Eko U. The Middle Ages have already begun. *Inostrannaia literatura*, 1994, (4): 258–267. (In Russ.)
12. Berne E. Games that people play. *People who play games*. Moscow: Bombora, 2013, 576. (In Russ.)
13. Paskal B. *Thoughts*. Moscow: AST, 2011, 240. (In Russ.)
14. Freud S. *Ego and Id*. Moscow: AST, 2018, 160. (In Russ.)
15. Tyson N. D., Goldsmith D. *History of everything. 14 billion years of cosmic evolution*. Saint-Petersburg: Piter, 2016, 352. (In Russ.)
16. Kislov A. G. *Justification of childhood: from morals to law*. Ekaterinburg: Izd-vo RGPPU, 2002, 165. (In Russ.)
17. Kazakov E. F. *Serditseanin*. Kemerovo: KemGU, 2011, 303. (In Russ.)